

УДК 316.4; 316.7
DOI 10.18522/2227-8656.2021.1.3

**АРХАИЗАЦИЯ,
ТРАДИЦИОНАЛИЗАЦИЯ
И МОДЕРНИЗАЦИЯ
В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ
ТРАНСФОРМАЦИИ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА**

**ARCHAIZATION,
TRADITIONALIZATION
AND MODERNIZATION
IN THE SOCIO-CULTURAL
TRANSFORMATION
OF RUSSIAN SOCIETY**

Ситников Алексей Петрович
Доктор экономических наук, профессор,
Южно-Российский гуманитарный
институт,
г. Ростов-на-Дону, Россия,
e-mail: urgi@urgi.info

Aleksey P. Sitnikov
Doctor of Economic Sciences, Professor,
South-Russian Institute
for the Humanities,
Rostov-on-Don, Russia,
e-mail: urgi@urgi.info

Обращение к теме архаизации в контексте анализа современной реальности и тенденций социокультурной динамики российского общества продиктовано российской реальностью с ее противоречивым и по многим параметрам кризисным характером развития. В этой реальности отчетливо фиксируется актуализация прошлого опыта в самых различных сферах и институтах общественной жизни. В этой связи определяется потребность в выявлении причин архаизации российского общества в тесном переплетении с двумя другими векторами социокультурной динамики – традиционализацией и модернизацией, что и порождает пространство противоречий в социокультурной трансформации социума и демодернизационные эффекты.

The appeal to the topic of archaization in the context of the analysis of modern reality and trends in the socio-cultural dynamics of Russian society is dictated by the Russian reality itself with its contradictory and, in many respects, crisis-like nature of development. In this reality, the actualization of past experience in various spheres and institutions of public life is clearly recorded. In this regard, there is a need to identify the causes of the archaization of Russian society in close intertwining with two other vectors of socio-cultural dynamics – traditionalization and modernization, that creates a space of contradictions in the socio-cultural transformation of society and generates demodernization effects.

Ключевые слова: архаизация; традиционализация; модернизация; социокультурная трансформация; социокультурная динамика; традиционная культура.

Keywords: archaization; traditionalization; modernization; socio-cultural transformation; socio-cultural dynamics; traditional culture.

Введение

Сегодня Россия стоит перед проблемой вхождения в современность и, соответственно, переосмысления социокультурного опыта, создания новых моделей социального взаимодействия и социального поведения. Поэтому в социально-философском дискурсе высочайшую важность приобретает проблема соответствия старого и нового, соотношения прошлого, настоящего и будущего, специфики возникновения новшеств и их распространения в условиях усложняющейся социокультурной динамики, когда социальные перемены неминуемо встречают противодействие устоявшейся нормативной культуры. Зачастую это влечет за собой конфликты и неприятие социокультурной почвой модернизационных перемен и инноваций.

В современной социальной мысли сложился достаточной большой массив работ, в которых рассматриваются различные аспекты архаизации. В своем большинстве они раскрываются в контексте проблемы социальной и культурной трансформации, неотрадиционализации и модернизации общества (Ахиезер, 2001; Золотухина-Аболина, 2012; Ламажаа, 2010, 2011; Поляков, 1998). Среди ученых доминирует точка зрения об архаизации как проявлении кризисных тенденций в развитии российского общества, в социальном поведении и массовом сознании различных социальных групп (Воробьев, 2019; Мариненко, 2017; Поморцева, 2009; Скворцов, 2019; Чирина, 2007). Некоторые ученые видят в архаизации положительное явление, выполняющее функцию адаптации общества к кризисным реалиям в условиях кардинальных перемен, реформ и стремительных изменений (Глинчикова, 2017; Штомпель, 2010).

В нашей исследовательской концепции архаизация предстает в виде процесса, характеризующего развитие общества в координатах прошлого социального опыта, актуализированного ввиду неспособности общества адаптироваться к изменившейся под влиянием социокультурной трансформации реальности и закрепляющегося в социокультурных практиках и массовом сознании как более эффективный в условиях разрушения привычных (традиционных) форм жизнедеятельности. При этом мы исходим из той установки, что архаизация, традиционализация и модернизация развиваются в едином социокультурном пространстве, выступая мерой и фактором развития каждого из данных процессов и

детерминируя логику и динамику социокультурных процессов в формате взаимообусловленности и взаимовлияния.

Указанные векторы социокультурной динамики по сути являются модусами традиции как субстанции социокультурной системы, таким образом проявляющей себя в период социальной турбулентности и социокультурной трансформации. Архаизация является следствием разрушения традиционных устоев и форм общественной жизни, традиционализация – их усиления, а модернизация – изменения, обновления, приведения в соответствие с вызовами и требованиями современности.

Архаизирующие тенденции могут рассматриваться как следствие сбоя в модернизации, как защитная реакция на структурные преобразования. Некоторые исследователи видят в этом адаптационный механизм, т. е. склонны обнаруживать в архаизации нечто функциональное (Ламажаа, 2014, 2015). С нашей точки зрения, российская архаизация имеет скорее дисфункциональный характер, поскольку затрагивает не только какие-то частные аспекты жизни, но и такой системообразующий элемент общества, как политический режим. Консервативная ориентация этого режима блокирует развитие общества и является тормозом на пути дальнейших модернизационных изменений, не предлагая никаких реальных альтернатив обществу модерна, кроме поддержания существующей модели неопатримониализма с его деформированными псевдомодерными институтами, преподносимыми в качестве особой модели государственности.

Архаизация реализуется посредством наиболее значимых в современном мире социальных каналов, таких как этнос и религия. В силу этого стихийные процессы архаизации особенно сильны в традиционных регионах России, с устойчивыми религиозными традициями и этническими структурами. Это прежде всего Северный Кавказ и ряд народов Восточной Сибири. В то же время указанная синкретичная связь обнаруживается и на территориях доминантного проживания русского этноса, следствием чего является возникновение такого явления, как неоязычество, которое на современном этапе играет заметную роль в жизни общества.

Так, анализируя социокультурные реалии на Юге России, исследователи пришли к выводу, что доминантные процессы разворачиваются в данном регионе в координатах архаизации и неотрадиционализации, а основным источником каждого из них является этноконфессиональный фактор, связанный с возрождением этничности и религиозности (Ламажаа, 2014). В действительности сложно выявить грань между архаизацией и неотрадиционализацией, поскольку в обоих случаях речь идет о возрождении традиционных форм жизнедеятельности в современных

реалиях, когда традиция получает новую жизнь, но с точки зрения нашей концепции неотрадиционализация – это изменение традиции с модернизационным вектором с целью осовременить ее, придав ей новый облик и более адаптивный характер в современных условиях. Анализ региональных реалий российского общества позволяет сделать вывод, что речь идет о доминантных модусах социокультурной трансформации – архаизации и традиционализации. И первый (архаический) проявляет себя в большей степени (если рассматривать его в масштабе всего российского общества в форме реархаизации – советской архаизации) прежде всего за счет целенаправленной деятельности субъектов власти.

Традиционализм возникает как культурный феномен, в котором находит выражение определенный тип социальной, культурной и исторической памяти, связанный с устойчивым интересом к прошлому опыту, к ценностям прошлого. Это проявляется в воспроизводстве традиций, обычаев, которые гораздо важнее будущего, слабо воспринимаемого обществом традиционного типа. В традиционализме отражается целая гамма аспектов, составляющих то или иное умонастроение в его бытовом, идеологическом, политическом преломлении. При этом традиционализм отличает эмоционально окрашенное отношение к прошлому, которое зачастую мифологизировано, идеализировано и трепетно охраняемо от негативных коннотаций (Кравченко, 2010).

Чем мощнее и устойчивее традиционализм, тем более сильным является социокультурное сопротивление модернизационным идеям и реформам, а потому архаизация проявляется в российском обществе с разной степенью интенсивности в зависимости от уровня традиционализма, а доминанта преодоления традиционализма и архаики становится одной из ведущих в сценариях российской социальной модернизации.

Однако реальность демонстрирует иную логику разворачивания социокультурной динамики, в которой именно архаическое становится значимой силой в конструировании социальной повседневности, и объясняется это прежде всего неэффективностью самой модернизации, не опирающейся на пласт традиционного как фундамент, на котором можно построить новое здание – новое (модернизированное) общество – и включиться в современность, будучи обществом, готовым к вызовам современности.

На властно-управленческом уровне достаточно умело осуществляется управление архаизацией, но только в избирательном порядке и с определенными, не ориентированными на благо народа целями, что и определяет российскую архаизацию как «плохую» архаизацию (Золотухина-Аболина, 2012). Далеко не все архаические практики, которые можно рассматривать как социальный капитал общества, сформирован-

ный в традиции образовательной, духовно-нравственной, интеллектуальной, семейной и т.д. практики, становятся предметом осмысления властных и управленческих элит в процессе обращения к архаическим схемам управления социумам. В этом видится трагедия архаической траектории социокультурной трансформации российского общества, бороться с которой не имеет смысла, а для эффективного управления ею еще не создана (не выращена) соответствующая властная элита.

В итоге при высоком запросе на перемены, зафиксированном в общественном мнении (Петухов, 2018), их реализация гражданами страны всецело возлагается на государство и сильную власть¹. Все это связано с проявлениями российского архаизма и традиционализма, основу которых составляет патернализм. Стоит ли удивляться тому, что за годы реформирования Россия не очень далеко продвинулась на пути решения социальных проблем, хотя в оценке реформистского периода в научно-исследовательской литературе не сформировалось единого мнения. Сложившиеся позиции условно можно разделить на три группы. Одни аналитики (оптимисты) полагают, что события движутся в верном направлении. Другие (пессимисты) считают, что страна и общество неуклонно деградируют. Третьи (реалисты) утверждают, что события развиваются так, как они и должны развиваться в силу специфики российского социокультурного кода, особенностей менталитета и т.п.

Проявление архаизации – это в значительной мере отражение слабой готовности переходного социума переживать новые изменения, неизбежно связанные с новыми рисками. Однако фактором, определяющим данную ситуацию, в значительной степени выступает государственная политика в лице властной элиты, ориентированной на сохранение установившегося социально-политического порядка с целью удержания власти и контролирующей функции, а обращение к архаическим схемам и практикам управления в данном контексте следует рассматривать как эффективный способ решения указанного спектра задач.

Заключение

Таким образом, можно заключить, что архаизация наиболее зримо проявляет себя в сфере политики и через политические механизмы социального контроля, находя свое выражение в том числе в идеологии и культуре, системе образования и воспитания молодого поколения, в итоге отражаясь в массовом сознании, социальных практиках и моделях социального поведения. Высокая динамика социальной неопределенности и, соответственно, рискогенности в различных сферах общественной

---

¹ Ответственность и влияние. URL: <https://www.levada.ru/2017/11/13/17013/print/>.

жизни определяет архаизацию как действенный способ политического и управленческого воздействия, манипуляции массовым сознанием и поведением со стороны субъектов власти. Делается это очень грамотно, умело – с опорой на ментальные основания жизнедеятельности социума, элементы культуры, традиций и обычаев, сложившихся в процессе исторического развития российского общества и отражающих архетипические составляющие народной культуры.

Этим же целям служит развернувшаяся в последнее время кампания, направленная на использование патриотических чувств как инструмента управления общественным мнением. В её основе лежит установка на чувственный образ патриотизма, извлекаемого из недр исторической памяти, причём из тех пластов, где сконцентрированы представления о патерналистском характере государственной власти в России, являющейся базовым механизмом аккумуляции и распределения основных средств и ресурсов общества. Такой патриотизм принято называть государственным (Volkov, 2018). Но с учетом особенностей исторического развития России его сущность имеет явно выраженную архаическую природу, так как формировалась в условиях синкретично-религиозного мышления, актуализирующего подвижнический характер беззаветного подчинения власти ради борьбы с внешними силами, имманентно враждебными в силу своей бытийной инаковости. В таком качестве патриотизм представляет собой, во-первых, инструмент повышения политических рейтингов власти и политиков; во-вторых, возрождение архаичной модели взаимодействия обществ и власти, признававшейся среди образованных слоев России устаревшей уже во второй половине XIX в.

Итак, в пространстве социокультурной трансформации российского общества доминантные позиции занимает процесс архаизации, который активно включен в общую динамику социокультурных процессов, в том числе традиционализации и модернизации. Расколотое по ценностным и мировоззренческим основаниям, деконсолидированное и испытывающее острый дефицит доверия на всех уровнях, российское общество с низкой социальной ответственностью и субъектностью есть выражение социокультурного кризиса и отсутствия у общества внятной программы социокультурного развития, способности развиваться как-то иначе, чем предлагают варианты догоняющей модернизации и советской архаизации.

Однако бороться с архаизацией бессмысленно – это закономерный и естественный процесс социокультурной динамики, а вот управлять архаизацией, выражаясь словами В.Г. Федотовой, – это управлять модернизацией и возвращением прошлого в формах, не уничтожающих настоящее (Федотова, 2013). Этими социальными технологиями стоит овла-

деть, чтобы не только прогнозировать сценарии будущего развития социума, но и управлять этим будущим.

В завершение следует подчеркнуть, что российская реальность отличается противоречивым сочетанием традиционного и современного. Переход к инновациям – весьма сложный и зачастую болезненный процесс, поскольку модернизация всегда ставит под вопрос традиционные устои жизни общества, и не каждое общество способно отказаться от традиции в угоду неопределенному, а порой и непонятному новому, особенно в условиях кризисной реальности, на фоне которой разворачиваются внедряемые инновации. Тем не менее модернизация является объективной необходимостью для современного российского общества, которое так и не смогло стать настолько модернизированным, чтобы на равных конкурировать с мировыми развитыми странами в жизненно важных сферах общественной жизни.

Литература

Ахиезер А.С. Архаизация в российском обществе как методологическая проблема // *Общественные науки и современность*. 2001. № 2. С. 89–100.

Воробьев Г.А., Кумыков А.М., Пусько В.С., Агапова Е.А. Идеология и практика демонстративного потребления в России в условиях архаизации массового сознания // *Гуманитарий Юга России*. 2019. Т. 8, № 4. С. 90–101.

Глинчикова А.Г., Синеокая Ю.В., Степанянц М.Т. Архаизация: поворот вспять или мобилизация к будущему? // *Философский журнал*. 2017. № 3. С. 133–152.

Золотухина-Аболина Е.В. Модернизация-архаизация-имитация: кто «правит бал»? // *Философские науки*. 2012. № 5. С. 37–43.

Кравченко С.А. Традиционализм // *Новая философская энциклопедия*. 2010. Т. 4. С. 86–87.

Ламажаа Ч.К. Архаизация общества в период социальных трансформаций // *Гуманитарные науки: теория и методология*. 2011. № 3. С. 35–42.

Ламажаа Ч.К. Архаизация, традиционализм и неотрадиционализм // *Знание. Понимание. Умение*. 2010. № 2. С. 88–93.

Ламажаа Ч.К., Абдулаева М.Ш. Архаизация и неотрадиционализм: россий-

References

Akhiezer, A.S. (2001). Archaization in Russian society as a methodological problem. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, 2, 89-100. (in Russian).

Vorobiev, G.A., Kumykov, A.M., Pusko, V.S., Agapova, E.A. (2019). Ideology and practice of demonstrative consumption in Russia in the conditions of archaization of mass consciousness. *Gumanitariy Yuga Rossii*, 8, 4, 90-101. (in Russian).

Glinchikova, A.G., Sineokaya, Yu.V., Stepanyants, M.T. (2017). Archaization: Turning Back or Mobilizing Towards the Future? *Filosofskiy zhurnal*, 3, 133-152. (in Russian).

Zolotukhina-Abolina, E.V. (2012). Modernization-archaization-imitation: who is «running the show»? *Filosofskiyye nauki*, 5, 37-43. (in Russian).

Kravchenko, S.A. (2010). Traditionalism. *Novaya filosofskaya entsiklopediya*, 4, 86-87. (in Russian).

Lamazhaa, Ch.K. (2011). Archaization of society in the period of social transformations. *Gumanitarnyye nauki: teoriya i metodologiya*, 3, 35-42. (in Russian).

Lamazhaa, Ch.K. (2010). Archaization, traditionalism and neo-traditionalism. *Znaniye. Ponimaniye. Umeniye*, 2, 88-93. (in Russian).

Lamazhaa, Ch.K., Abdulaeva, M.Sh. (2014). Archaization and neo-traditionalism:

ские региональные формы // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 3. С. 68–80.

Ламажаа Ч.К., Намруева Л.В. Комплексные проявления неотрадиционализма и архаизации в регионах Южного федерального округа // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 4. С. 27–39.

Ламажаа Ч.К., Хайруллина Н.Г. Архаизация и неотрадиционализм в регионах Уральского федерального округа // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 1. С. 29–38.

Мариненко Я.С. Тенденция архаизации российского общественного сознания в свете акций Александра Бренера и Pussy Riot // Вестник Томского гос. ун-та. 2017. № 420. С. 105–107.

Петухов В.В. Динамика социальных настроений россиян и формирование запроса на перемены // Социологические исследования. 2018. № 11. С. 40–53.

Поляков Л.В. Путь России в современность: модернизация как деархаизация. М., 1998. 202 с.

Поморцева А.М. Цивилизационный разлом (вызов) и архаизация сознания человека (ответ) // Наука. Инновации. Технологии. 2009. № 2. С. 44–50.

Скворцов Н.Г., Кумыков А.М., Пусько В.С., Агапова Е.А. Демонстративное потребление в условиях архаизации российского общества // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 7. С. 110–117.

Федотова В.Г. Кризис модернизации и архаизация общества // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 1. С. 313.

Чирина А.А. Архаизация массового сознания в условиях трансформирующегося социума // Вестник Мордовского ун-та. 2007. № 2. С. 37–41.

Штомпель Л.А., Штомпель О.М. Архаизация современной культуры: необходимость или случайность? // Ценности и смыслы. 2010. № 1 (4). С. 34–42.

Volkov Yu.G., Vereshchagina A.V., Lubskiy A.V., Vagina V.O., Gubarev I.V. Patriotism and solidarity in the West and in Russia // International Journal of Engineering & Technology. 2018. N 7 (2.13). P. 46–50.

Russian regional forms. *Znaniye. Ponimaniye. Umeniyе*, 3, 68-80. (in Russian).

Lamazhaa, Ch.K., Namrueva, L.V. (2014). Complex manifestations of neo-traditionalism and archaization in the regions of the Southern Federal District. *Znaniye. Ponimaniye. Umeniyе*, 4, 27-39. (in Russian).

Lamazhaa, Ch.K., Khairullina, N.G. (2015). Archaization and neo-traditionalism in the regions of the Ural Federal District. *Znaniye. Ponimaniye. Umeniyе*, 1, 29-38. (in Russian).

Marinenko, Ya. S. (2017). The tendency of archaization of the Russian public consciousness in the light of the actions of Alexander Brener and Pussy Riot. *Vestnik Tomskogo gos. un-ta*, 420, 105-107. (in Russian).

Petukhov, V.V. (2018). Dynamics of social sentiments of Russians and the formation of a demand for change. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, 11, 40-53. (in Russian).

Polyakov, L.V. (1998). Russia's way to modernity: modernization as dearchaization. M. (in Russian).

Pomortseva, A.M. (2009). Civilizational rift (challenge) and archaization of human consciousness (response). *Nauka. Innovatsii. Tekhnologii*, 2, 44-50. (in Russian).

Skvortsov, N. G., Kumykov, A.M., Pusko, V. S., Agapova, E. A. (2019). Demonstrative consumption in the conditions of archaization of Russian society. *Sotsial'no-gumanitarnyye znaniya*, 7, 110-117. (in Russian).

Fedotova, V.G. (2013). The crisis of modernization and archaization of society. *Znaniye. Ponimaniye. Umeniyе*, 1, 313. (in Russian).

Chirina, A.A. (2007). Archaization of mass consciousness in the conditions of transforming society. *Vestnik Mordovskogo un-ta*, 2, 37-41. (in Russian).

Shtompel, L.A., Shtompel, O.M. (2010). Archaization of modern culture: necessity or chance? *Tsennosti i smysly*, 1 (4), 34-42. (in Russian).

Volkov, Yu.G., Vereshchagina, A.V., Lubsky, A.V., Vagina, V.O., Gubarev, I.V. (2018). Patriotism and solidarity in the West and in Russia. *International Journal of Engineering & Technology*, 7 (2.13), 46-50.

Поступила в редакцию

27 ноября 2020 г.